

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

- Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебе исцелять
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саваи для блудниц
Черное платье на десерт
Депутка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Нарик для дамы ник
Никки на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плошевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зеркала
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергающая с небес
Гламурная певичность
Древний инстинкт
Желтизна-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
- Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Нуды
Delete
Хрюпки Розмари
Солнце в почтном небе
Ледяное ложе для брачной
ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро
Перекресток мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Башка
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Десять жизней Греты
Смерть отделяет телефон
Шестой грех
Меся зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной — двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в японском саду
Из жизни жеп и любовниц
Тринадцатая гостя

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Иллюзия чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
непавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и темнотка нежно

АННА ДАНИЛОВА

Когда любовь — проклятие



ЛЮБОВНИЦА
НЕ ПО КАРМАНУ

Москва  2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 **Любовница не по карману : [роман] / Анна Данилова.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-699-89285-3

Что делать, если молодая жена ждет ребенка от лучшего друга твоего взрослого сына, а самого этого друга ты убил при попытке ограбления? Чтобы замести следы преступления, Григорий с сыном Аликом закапывают в подмосковном лесу труп Федора. Главное, чтобы жена Григория Зоя не узнала, что ее муж застрелил молодого любовника. В ее состоянии нельзя нервничать, это может быть опасно для ребенка... Над счастливой еще недавно семьей Семеновых сгущаются тучи. Григорий вне себя от отчаяния, ведь он убил человека. Алик потрясен: он стал причиной трагедии, предав и друга, и мачеху. А сама Зоя не в силах забыть любимого Федора, который растоптал ее чувства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Данилова А.В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89285-3

Ты не найдешь в ней
совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

В. Шекспир

1. Следствие

— Макс, Макс, постой, ты куда?!

Черный, присыпанный снегом, как сахарной пудрой, английский кокер-спаниель, ловко перепрыгивая через сугробы и тут же проваливаясь в них с головой, был исполнен какого-то своего собачьего охотничьего азарта и вдруг замер, скосив кофейные глаза и приняв себя. Затем он резко повернул свою маленькую красивую голову с отяжелевшими от набившегося в шерсть снега длинными ушами и посмотрел сквозь высокие с розоватыми стволами ели куда-то в глубь леса. После чего взвился в воздух и снова нырнул в пухлый снег, резво помчался вправо от лыжни, залиvisto лая...

Его хозяйка, девушка Маша, в голубом лыжном комбинезоне, осторожно скользя на новых лыжах по снегу, тоже остановилась, переживая за свою собаку. Компания, отдохавшая в Пущине в загородном доме, состоявшая из трех парней и четырех девушек, разбрелась по лесу, осваивая лыжню. Маша не любила лыжи, чув-

ствовала себя на них очень неуверенно, и, если бы не глубокая твердая лыжня, не позволявшая ногам разъехаться в разные стороны, она бы уже давно изобразила несколько шпагатов и порвала бы себе все связки. Зато она любила Сережу, своего однокурсника, он обещал приехать позже и научить ее более уверенно держаться на лыжах. Вот ради него она и согласилась в который уже раз принять в своем доме целую ораву любителей отдохнуть за чужой счет: все знали, что здесь всегда можно найти запасы хорошей выпивки и консервов.

Родители Маши редко наведывались в Пушкино, обычно семейство переезжало туда в апреле и проживало до первых заморозков. В зимние же месяцы они предпочитали отдыхать в теплых странах. Поэтому дом в холодное время года стоял пустой и, если бы не наезды Машиных приятелей, окончательно вымерз бы. А так каждые выходные ее друзья-студенты хорошо его протопливали, в большой кухне готовили еду, в комнатах спали, ели, танцевали, играли в карты и нарды, курили, смотрели телевизор, любили, жили...

— Макс, Макс, вернись!

Маша понимала, что пойти на лыжах следом за собакой она не сможет — непременно упадет и будет выглядеть довольно-таки смешно и глупо в глазах своих друзей. Она решила отстегнуть ботинки, убрать лыжи с трассы и последовать за Максом. Откуда-то неподалеку доносился его громкий нервный лай.

Проваливаясь по колено в сугробы, Маша миновала первый ряд высоченных елей, пытаясь увидеть в надвигавшихся сумерках свою собаку. И буквально через пару минут она увидела рядом с черной фигуркой Макса еще одну собаку — худую, рыжую, с отвисшими сосцами. Это вокруг нее прыгал, облаивая ее со всех сторон, храбрый кокер.

Маша еще раз позвала Макса, тот, виляя хвостом, на минуту подбежал к ней и тотчас вернулся к своей рыжей пленнице. Бедная голодная собака смотрела на непрошенных гостей испуганными желтыми глазами.

— Ну что ты здесь нашел? Не видишь разве, это ее территория... Оставь ее в покое и давай вернемся, Максик... — Маша подошла поближе и ласково потрепала Макса по гладкому, холодному, атласному лобику. — Видишь, у нее здесь что-то зарыто... Может, хлеб или еще что-нибудь... Пойдем домой, у меня для тебя там целая баранья лопатка лежит... Макс, ну!

Но обычно послушный Макс внезапно вновь кинулся к рыжей собаке, и та вдруг зарычала, верхняя ее губа некрасиво задралась, показав острые белые передние зубы. Маша похолодела. Она с детства боялась собак, и единственное существо этого вида, к которому девушка сумела привыкнуть, был ее Макс.

А через несколько секунд она закричала так, что снег посыпался с густых еловых лап... Под снегом, в куче разрытой земли, виднелась человеческая голова, обтянутая полусгнившей вяза-

ной шапкой с прорезями, сквозь которые смотрела, казалось, сама смерть...

Спустя время вокруг обнаруженного Машей трупа собрались все лыжники. Приехала и полиция. Маша, судорожно подрагивая плечами, продолжала таращиться на извлеченное из-под мерзлой земли тело...

Старая нейлоновая грязно-белая куртка с искусственным мехом, зеленая с белым орнаментом вязаная шапка...

Позже, когда приехавший из Москвы следователь, не старый еще, симпатичный, с серьезным лицом мужчина, уютно расположившись в доме, в кухне с чашкой горячего кофе в руке будет допрашивать всю компанию, записывая их показания, Маша так и не решится сказать ему, что где-то она уже видела и эту куртку, и эту шапку...

2. Зоя

Я ничего не знала. Совсем. Да мне бы и в голову такое не пришло — что я принесу в этот дом несчастье! Я тогда жила хорошо, очень даже хорошо, совсем не так, как раньше. Но прошлое все равно не оставляет меня, оно меня преследует, цепляет и порою не дает мне возможности выспаться. Хотя у меня теперь прекрасная новая кровать и красивое постельное белье. Я сама выбирала его. Не знаю, кто как, а я люблю, чтобы белье было белым, я уверена, что люди, заявляющие, что они любят цветное белье, на самом

деле просто ленятся чаще его стирать. Белое белье — это красиво. Люблю кружева, но это уже дело вкуса. Мой муж, Григорий, говорит, что кружева жесткие, а он, Григорий, — очень нежный. Он шутит, и мы смеемся. Мы вообще много с ним смеемся. С тех самых пор, как познакомились. Алик, его сын, говорит, что не узнает своего отца, иногда ему кажется, будто это совсем другой человек, и в такие минуты мне становится очень грустно, словно Алик упрекает меня — мол, это я виновата в том, что его отец так сильно изменился. В понимании этого мальчика — а ему уже, правда, все двадцать лет — отец его изменился в худшую сторону. Иначе зачем бы ему говорить об этом мне, да еще и с таким выражением лица — мол, это ты тому причиной и стала, из-за тебя я не узнаю своего отца, его будто подменили. Могу себе представить, каким он был раньше. Да Григорий и сам мне рассказывал, что он никогда не был таким веселым и счастливым, не говоря уже о том, что это счастье ему принесла я. Что он никогда не спал в обнимку со своей прежней женой, матерью Алика. И вообще не знал, как это можно — спать без пижамы, обнявшись, причем всю ночь, то есть замереть в любовной позе на несколько часов, слившись воедино с телом женщины. Да и спал он раньше на узком диване. Правда, под очень теплым одеялом. Думаю, он все-таки мерз, пока не встретил меня. И душой, и телом. Никто не знает и не узнает, что для удобства я сшила вместе два полутораспальных пуховых

одеяла — получилось трехспальное, чтобы нам было удобно на новой широкой кровати. Я и пододеяльник заказала специально для этого одеяла. Может, кто-нибудь подумает, что я слишком много внимания уделяю постели, но я-то знаю, как все это важно, как и многое другое, что на первый взгляд кажется мелочами. Но все эти кажущиеся мелочи на самом деле выстраданы мною: у меня имеется опыт супружеской жизни, богатый, но нехороший, то есть этот опыт-то, может, и хороший, да вот мои другие «опыты» с мужчинами были весьма неудачными. А если еще точнее, мужчины были не те. Хотя я — по-своему, как мне казалось тогда, — любила их.

Многие женщины на первый взгляд внешне ведут себя так, словно у них и был-то всего лишь один мужчина, но вы им не верьте: у каждой в жизни всегда был (или будет) один или много тайных любовников. Это мужчины не умеют маскироваться, а женщины в этом деле преуспели: они хитрые, умные и не высовываются, не хвалятся своими связями. Каждая женщина хочет, чтобы ее любил не один мужчина, чтобы ею восхищались все. И иногда ей мало этих восхищенных взглядов, ей нужно, чтобы мужчина непременно признался ей — она очень хороша, соблазнительна, он хочет ее, а это для любой женщины важно. А как можно такое сказать, если не на ушко, прижавшись к этой женщине? Вот так и появляются любовники. Разные. И совсем еще мальчишки, которых приходится всему учить, старые, морально убитые своим мужским

бессилием, но желающие того, чтобы их тоже любили, ласкали. Такие мужчины платят за чувства, и это, я считаю, правильно.

Если меня спросить, каких любовников лично я предпочитаю, я растеряюсь, потому что не знаю ответа. Я вообще люблю мужчин, и это несмотря на то, сколь много неприятностей они мне доставили. Да что там неприятностей, это еще мягко сказано! Мои мужчины не стеснялись при мне выражаться, они лупили меня... никто не знает, что у меня в туалетном столике всегда лежал тюбик со специальной крем-пудрой, которой я маскировала свои синяки. И почему-то все, кто поднимал на меня руку, норовили ударить меня именно в лицо, а то и в глаз. Глаза. Уж не знаю почему, но все они считали, что у меня порочные глаза. Думаю, они у меня красивые, и мужиков это просто злило. Меня всегда сравнивали с одной русской актрисой, но я стесняюсь назвать ее имя, потому что она — женщина благородная, наверняка честная и порядочная, просто у нее глаза — волшебные, бархатные. Скажу только, что она играла Аксинью в известном фильме.

...Не могу не думать о том человеке. О том, что он, вернее, его тело лежит в лесу, зарыто в земле. Что его закопали, как собаку. Но я не имею права осуждать Гришу, потому что на его месте мог оказаться любой другой человек. Даже я. Если бы у меня был пистолет!.. Поэтому мы все должны молчать. Чтобы не погубить себя,

не нарушить наши жизни. Не потерять свободу. Хотя я теперь уже и не представляю, что будет, когда я вернусь... Но решение уже принято. Я почти упаковала вещи, осталось положить лишь мое вязанье, с которым я не расстаюсь. Думаю, я вяжу, чтобы успокоить нервы.

Да, мы действительно жили хорошо. Просторная московская квартира, по-настоящему большая, с широкими белыми, наполовину стеклянными дверями, с оранжевым паркетным полом — все, как я люблю. Вытертые ковры мы сразу же поменяли. Я предложила, а Гриша согласился, сказал, что и сам подумывал об этом. Мы вообще многое поменяли в квартире, сделали ремонт. Кому-то не нравится, когда в квартире идет ремонт, но только не мне. Ремонт — это начало новой и какой-то другой, чистой, обновленной жизни. Запах краски — прекрасный запах перемен. И очищения.

О чистоте... У меня есть знакомая женщина-психолог. Мы с ней иногда встречаемся на улице или в магазине, она живет в нашем доме. Одинокая, с ней всегда приятно поговорить. Правда, иногда мне кажется, что я злоупотребляю ее добротой, она ведь должна отдохнуть после своей работы, а я грузю ее своими мелкими проблемами. Мне порою даже хочется ей денег дать, заплатить за то, что она выслушивает меня, разговаривает со мной... Думаю, надо ей подарить какую-нибудь вазу, но не хрустальную, более дорогую — японскую, с ручной росписью...

Так вот, однажды я ее спросила, как можно охарактеризовать человека (то есть меня), который любит проводить время в супермаркетах, в отделах бытовой химии. Вот честно, умираю: люблю покупать чистящие средства, всяческие вещества, чтобы отчистить, отбелить, вымыть все до блеска. Люблю покупать мыло, шампуни. Может, это происходит оттого, что мне до сих пор хочется очиститься от моих прежних браков, от тех мужчин, с которыми мне пришлось жить? Я спросила об этом Марту (так зовут эту женщину-психолога), и она, улыбнувшись, как-то очень осторожно сказала, словно боялась меня обидеть, — да, действительно, я как бы хочу от чего-то очиститься. Но не от грязи, а именно от воспоминаний, а может — тут она понизила голос и отвернулась от меня, — и от мыслей...

Думаю, она попала бы в самую точку, если бы этот разговор происходил несколькими месяцами раньше, когда мысли мои были не то что грязными, но просто недопустимыми, это точно. Сейчас же я чиста и невинна, как младенец, живущий глубоко во мне. Я знаю, что об этом никому не известно. Даже людям, приютившим меня, да им пока ничего не нужно знать. Я исправно плачу им деньги за их старый дом, в котором живу, кроме того, я покупаю у них молоко и яйца, а это для них тоже польза.

Но тогда, в той московской квартире, повторяю, я чувствовала себя совершенно счастливой. Если только не считать, что Алик страдал. И я об этом знала, но ничего не могла поделать.

Не могла же я из-за него, из-за его эгоизма и неприятия меня, мачехи, бросить Гришу? Я любила Гришу. Очень. Старалась полюбить и Алика.

Алик красивый, очень красивый мальчик. Он похож на свою мать, черноглазую красавицу с черными кудрями. Я много раз натыкалась на ее фотографии, когда только перебралась к Григорию. Это были запыленные, вставленные под стекло портреты или альбомные снимки. Она везде была какая-то напряженная, серьезная, чуть ли не торжественная. Работала всю свою недолгую жизнь (она умерла, когда ей было всего тридцать пять, и с тех пор Гриша больше в брак не вступал) в метро кассиром. Думаю, она была такой серьезной потому, что всегда боялась обсчитаться, что-то напутать с деньгами. Гриша говорил, что она даже во сне считала, с кем-то спорила о деньгах. Видимо, была очень ответственной женщиной. Лучше бы она на станке работала, как робот, тогда, глядишь, и спала бы спокойнее. Хотя, может, в силу своего характера она бы вскакивала посреди ночи и пыталась бы включить какой-нибудь рычаг... Когда я думала об этом, мне всегда хотелось смеяться.

Нет, я не испытывала к покойной жене Гриши никаких чувств. Она никогда не была моей соперницей. Разве что она была матерью Алика и он любил ее, а не меня. Первое время, пытаясь представить себе, как сошлись, что их связывало и как жили вместе Гриша и его жена, я думала, что они были просто созданы друг для друга. Он был таким тихим и неразговорчивым,

ученым человеком, работал в своем институте, где руководил крупной лабораторией, что-то там изобретал, патентовал, собирая под свое крыло талантливых, как и он, единомышленников, зарабатывая при этом неплохие деньги и совершенно не умея их тратить. Очень скромный, интеллигентный человек, каких уже мало осталось. Да, мне просто повезло, когда я встретила его.

Встреча. Такое нарочно не придумаешь! Вот говорят же — зализывать раны. Это как раз обо мне. После очередного неудавшегося гражданского брака, когда я, держась, что называется, за живот, вышла из абортария и была готова рухнуть от боли и слабости прямо на тротуар, меня и подобрал этот добросердечный милый человек. Распахнул передо мной двери своего прекрасного черного джипа. Как я потом узнала, на эту сногшибательную покупку его сподобил Алик, обожавший отца и считавший своим долгом подсказать ему, как надо жить и на чем ездить. Он самым простым человеческим языком (я всегда думала, что богатые люди изъясняются как-то по-другому, более вычурно, что ли, хотя, конечно, глупости все это, просто у меня никогда не было богатых мужчин) предложил подвезти меня. Это уже потом он мне признался, что влюбился в меня с первого взгляда. Что я тогда была необычайно красива, трогательна, бледна и все такое прочее. Он обратил внимание на мои черные глаза, на их страдальческое или даже трагическое выражение, словом, он увидел во мне красивую и вместе с тем очень слабую